

БЛАГОТВОРНОЕ ДѢЙСТВІЕ ОТЪ ЧТЕНІЯ НОВАГО ЗАВѢТА.

Одинъ путешественникъ, проѣзжая недавно западную часть Виргиніи, съ великимъ удовольствіемъ слышалъ оиъ знакомаго ему, весьма почтеннаго Священника, о нѣкоемъ Евреѣ, съ копорымъ оиъ не задолго предъ шѣмъ познакомился, слѣдующее.

Священникъ оный, проповѣдуя однажды въ многочисленномъ собраніи народа, увидѣлъ вошедшаго въ оное человѣка, по видимому Еврея, одѣшаго весьма хорошо и имѣвшаго благородную наружность. Судя по лицу его, надлежало заключать, что оиъ былъ въ великой печали. По занятіи мѣста, казалось, оиъ обратился все свое вниманіе на поученіе: ибо въ продолженіе онаго, оиъ часто плакалъ. По окончаніи проповѣди, Священникъ не могъ удержаться, чпобъ не поговорить съ симъ незнакомымъ. Позвольте, М. Г. спросить васъ: не изъ чадъ ли вы Авраамовыхъ? — Вы не ошиблись: я Еврей. — Но скажите, какъ эшо случилось, что я вижу Еврея въ Христіанскомъ собраніи?

Тутъ Еврей разсказалъ о себѣ Священнику слѣдующее:

„Я изъ числа самыхъ богатыхъ Лондонскихъ Евреевъ. Не задолго предъ симъ поселился я со всѣмъ своимъ богатствомъ и съ единственною 17 лѣтнею дочерью въ Америку, на плодоносныхъ берегахъ рѣки Огіо. Жена моя скончалась передъ отъѣздомъ моимъ изъ Европы, и я не находилъ ни въ чемъ утѣшенія, кромѣ любимой дочери моей. И по испинѣ она была достойна такой любви. Будучи одарена совершенною красою, она имѣла въ себѣ превосходныя качества ума и сердца съ наилучшимъ воспитаніемъ. Она могла свободно изъясняться на многихъ языкахъ, и крошкимъ обращеніемъ своимъ привлекала къ себѣ сердца всѣхъ ея знакомыхъ. Бывъ ревностнымъ Евреемъ, воспитывалъ я и дочь мою въ спрогомъ храненіи Еврейскаго закона, думая, что шѣмъ усугубилъ совершенства ея.

„Но вдругъ дочь моя сдѣлалась больна, и по всѣмъ признакамъ болѣзни ея оказалась весьма опасною. Я не опходилъ отъ нея, и грусть моя была весьма велика. Не щадилъ я ничего, ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы доставить ей пособіе къ облегченію ея болѣзни, но никакое искусство человѣческое не можетъ отвратить смерти. Прогуливаясь въ большой близъ дома рошѣ, и орошая пунь мой слезами, позванъ я былъ къ умиравшей дочери моей.

Удрученный печалію, вошелъ я къ ней въ комнапу, копорая вскорѣ должна была содѣлаться храминою смерпи. Я вошелъ къ ней, что бы проспиться съ нею навсегда. Понятія мои о предметахъ духовныхъ подавали мнѣ шолько весьма слабую надежду увидѣться съ нею въ будущей жизни.

„Дочь моя взяла меня за руку и съ живо-спію, при ослабѣвшихъ силахъ своихъ, сказа-ла: Батюшка! любишь ли ты меня? — Любез-ная дочь, ты знаешь, что я люблю тебя, что ты мнѣ дороже всего на свѣшѣ.—Но, батюш-ка, любишь ли ты меня? — Для чего, другъ мой, оскорбляешь ты меня такимъ вопросомъ? Не ужели ты не видала никогда опышовъ люб-ви моей къ тебѣ? — Но скажи, любезный ба-тюшка, любишь ли ты меня? — Отець не могъ опвѣчать, и дочь продолжала: о, я знаю, что ты всегда любилъ меня; ты самый нѣжный отецъ, и я люблю тебя также. исполнишь ли ты мою просьбу? Эша просьба, любезный ба-тюшка, умирающей швоей дочери: исполнишь ли ты ее? Любезная дочь, скажи шолько, че-го ты желаешь, хопя бы шо споило послѣд-няго шиллинга имущества моего,—однимъ сло-вомъ, что бы шо ни было, оно будешь испол-нено непременно. *Батюшка! я прошу тебя ни-когда не говорить противъ Іисуса Назарянина.* Я онѣмѣль опъ удивленія. — Я мало знаю, про-

должала умирающая дѣвица, очень мало знаю о семъ Иисусѣ, попому чпо мнѣ объ Немъ ни-кто не говорилъ; но знаю однако, что Онъ Спаситель, попому чпо Онъ мнѣ опкрылъ Себя шакowymъ во время моей болѣзни; опкрылъ Себя Спасителемъ души моей. Я вѣрю, что Онъ спасеть меня, хопя я прежде никогда Его не любила. Я чувствую, что иду къ Нему, и что буду всегда съ Нимъ. И шакъ, любезный бапюшка, не опвергни моей просьбы; я умоляю тебя никогда не говоришь пропивъ Иисуса Назарянина! Прошу тебя достать себѣ книгу Новаго Завѣша, копорая говоришь о Немъ, и спарайся познать Его, и когда меня уже не будешь, то любовію, копорую ты пишала ко мнѣ, возлюби Его.

„Напряженіе, съ какимъ она сіе говорила, изнурило слабыя силы ея. Она умолкла. А я въ шяжкой горести моей не могъ и плакать. Я вышелъ опъ нея, и не успѣлъ еще припши въ себя, какъ духъ нѣжно любимой мною дочери воспарилъ уже къ Спасителю, копорого она едва знала, но уже любила и чпила всѣмъ сердцемъ. Первое, что я сдѣлалъ по преданіи землѣ праха земнаго сокровища своего, было приобрѣшеніе Новаго Завѣша. Я спалъ чипашъ оный, и просвѣщаемый Духомъ свыше, сопричислился къ смиреннымъ поклонникамъ опвергаемаго нѣкогда мною Спасителя Иисуса.“
